
Н а т а л и я
Терентьева

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ КНИГИ
НАТАЛИИ ТЕРЕНТЬЕВОЙ

БЕДНЫЙ БОБИК

КУДА УЛЕТАЮТ АНГЕЛЫ

МАРИМБА!

ЛИКА БОРГА,
ПОХОЖАЯ НА ЧЕЛОВЕКА
И УДИВИТЕЛЬНАЯ

НАРИСУЙ МНЕ В НЕБЕ СОЛНЦЕ

СИНДРОМ ОТСУТСТВУЮЩЕГО ЁЖИКА

УЧИЛКА

ЧИСТАЯ РЕЧКА

Н а т а л и я
Терентьева

нарисуй мне
в небе солнце

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т35

Серия «Там, где трава зеленее... Проза Наталии Терентьевой»
издается с 2013 года

Серийное оформление — *Андрей Фerez*
Иллюстрация на обложке — *Виктория Лебедева*

Терентьева, Наталия Михайловна.

Т35 Нарисуй мне в небе солнце : [роман] / Наталия Терентьева. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Там, где трава зеленее... Проза Наталии Терентьевой).

ISBN 978-5-17-091348-0

Иди к мечте наперекор всему, и она обязательно сбудется, — этому веришь в юности. И бросаешь привычную жизнь, и бросаешься в яркое, необычное, сверкающее. Театр — что может быть чудеснее? Для Кати — именно так. Больше всего она хотела быть актрисой. И вот — у нее есть сцена, кумиры всей страны стали ее преподавателями, и — главное — она встречает любовь, яркую и невозможно прекрасную. Те, кто ее окружает, живут в другой реальности, где можно все — легко дотянуться до звезд, взлететь и разогнать тучи над головой любимого человека, нарисовать в пасмурном осеннем небе солнце. Только... согреет ли оно?

Об этом искренний и щемящий роман московской писательницы Наталии Терентьевой, не понаслышке знающей, что такое сцена.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-091348-0

© Н. Терентьева, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Однажды, лет сто назад, когда мобильные телефоны были размером с мужской тапочек, а компьютер казался чудом, я первый раз в жизни увидела на чужом компьютере программу «Переводчик».

Я быстро набрала первую фразу, пришедшую в голову:

*«To be or not to be,
That is a question».*

Компьютер так же быстро выдал мне корявый и по-своему гениальный, сравнимый разве что с гением оригинала, перевод:

«Чтобы быть или не быть — это вопрос поиска».

Слова показались мне знаковыми. Я пришла домой и написала, словно выдохнула, несколько строк. Прочитала — сама удивилась. О чем это я? О ком?

...Я ищу тебя, и ты ищешь себя, и мы ищем друг друга на этой хрупкой грани между там и здесь, между обманчиво-вечным светом и непроглядной бесконечностью

ночи, несовершенные белковые организмы с насмешливо коротким отпущенным нам сроком.

Ищите да обрящете...

...эту странную, эфемерную, ускользающую субстанцию...

...эту единственную, неизлечимую боль...

...эту выдумку, эту глупую несбыточную мечту...

...эту простую репродуктивную программу хитрой природы,

не спросившей, а хотим ли мы появиться в этом мире, и заставляющей теперь нас с тобой искать друг друга,

чтобы потом кто-то опять спрашивал себя —

а быть ли ему в этом странном мире, в этом прекрасном мире, —

и искал того, без кого — быть — невозможно...

Отложила листочек с удивившими меня саму словами подальше, но не выбросила. Авось да сгодится на что-то. Или просто лет через сто достану и улыбнусь — какая же наивная и романтическая я когда-то была. Я — умная и решительная особа, всегда выглядящая и чувствующая с запозданием лет эдак на... во-семь-десять. А то и на двенадцать.

* * *

Был теплый, солнечный июнь. Я сидела дома и маялась от безделья и неопределенности.

— Когда ты устроишься на работу? — Мама только что пришла с работы, устала, восемь часов читала чью-то рукопись.

Мама работала редактором в военном издательстве, правила статьи о разведке в условиях гор, об устройстве новейшей техники, локаторов, подводных

лодок, даже секретные работы об испытаниях ядерного оружия. Моя маета была ей непонятна и неприятна.

— Мам... Я салат сделала... Будешь? Ну я не определилась еще, понимаешь?

— Ты для этого заканчивала МГУ, училась у лучших профессоров, чтобы торчать теперь дома и читать всякую белиберду? Что это у тебя сегодня? — Мама мельком посмотрела на обложку моей книжки и тяжело вздохнула: — Господи, ну надо же, «Правда чувств на сцене»! Столько лет учить иностранные языки — редкие языки! — получить диплом, и теперь вот — нá те вам!.. Ну какая правда чувств, Катя! О чем это?

— Мам, вот Ленин, например, девять языков знал. Или шестнадцать. Но он же не работал переводчиком.

— Что ж тогда твой Ленин на знамени революции не написал: «Я в артисты бы пошел... лишь бы не работать!!!» При чем тут Ленин? Еще Александра Македонского вспомни! Убери это все от меня! Вообще куда-нибудь убери! Где ты это находишь? — Мама нервно отодвинула еще две книжки, которые я ей подсовывала, надеясь убедить в серьезности своих намерений. — «Иллюзия реальности», «Живая пластика». Просто ересь какая-то! У тебя что, с мозгами не в порядке? Ты сама этого не понимаешь? Какая пластика, Катя? Ты — и пластика... Ты что, танцами когда-нибудь занималась?

— Нет, к сожалению... Мам, не сердись на меня, а?

— Ты — бездельница, понятно?

— Мам...

— Училась, училась, в школе, в университете, а теперь — что? Ногами дрыгать, лицом хлопотать хочешь? Катя! С чего ты решила, что ты можешь быть

актрисой? Ты выступала в студенческом театре? Ты умеешь петь, танцевать, что ты умеешь? Ты знаешь язык, который в нашей стране знают еще семь человек...

— Ну, мам... — Я попыталась взять маму за руку, но она резко вырвалась. — Мам, я не хочу быть переводчицей.

— В школу иди работай!

— Мам, я не хочу в школу...

— А что ты хочешь? Жизнь свою загубить?

— Нет, я ищу себя, мам...

— Все, хватит! Я тебя кормить больше не буду! Устраивайся куда хочешь и кем хочешь, и только после этого залезешь в следующий раз в холодильник.

— Я хочу артисткой в театр, ты же знаешь, мама.

— На вот! — Мама швырнула мне какую-то газету с объявлениями. — Выбирай самый нищий театр и иди туда лестницы мыть! Уборщица со знанием трех европейских языков — очень экстравагантно! Этикетки на чистящих средствах сможешь читать в подлинниках!

— Мам, мам, ну не кипятись так... Думаю, меня в билетеры уж точно возьмут, как ты считаешь? Смогу с иностранцами разговаривать вежливо, силъ ву пле там... или по-венгерски им что-нибудь скажу, вот они удивятся...

Шутка не удалась. Видя, что мама от ярости уже побелела и стала тяжело дышать, я взяла газету и отправилась на лоджию, подальше от разъяренной мамы.

Мама на самом деле дала мне очень полезную газету. Думаю, она ее купила по дороге с работы, размышляя о том, как же мне помочь в моих метаниях. Я нашла там на последней странице список всех московских театров — больших, маленьких, совсем скромных и неизвестных.

Я была уверена, что меня обязательно возьмут артисткой в какой-нибудь театр, может быть, и не в самый захудалый. Я это знала, потому что... знала, еще с детства. Никому не говорила. И в МГУ училась совсем другому. Но ведь можно получить второе образование, театральное. Сколько известных актеров сначала учились на архитекторов, моряков, инженеров-строителей! Я помнила наизусть эти несколько имен, эти потрясающие истории — как они пришли, уже взрослые, с профессиями, прочитали басню, монолог, спели-сплясали, от души, искренне, и... перед ними открылись двери в тот прекрасный и загадочный мир, который манил, звал меня сильнее всего. Я была уверена — меня точно выберут из сотен абитуриентов, жаждущих оказаться в числе будущих звезд театра и кино, и возьмут в мои неполные двадцать три года учиться прекрасному искусству лицедейства.

Мама не подозревала: я уже пробовала поступать в театральный, этой весной, через год после окончания университета. Год я мечтала — дома мечтала, на работе мечтала, читала об актерах, о методе Станиславского, смотрела спектакли с верхнего яруса, куда билеты стоили как в кино, а к весне, когда начались прослушивания, выучила басню, стихотворений я и так знала много, нашла очень хороший трогательный отрывок из пьесы Чехова, где героиня говорит о бессмысленности своей жизни... В апреле уволилась с работы — с большим трудом, не без вранья — и стала ходить на прослушивания.

Ходила-ходила, стояла по десять часов на улице в толпе возбужденных абитуриентов, слушала истории. Вот тот пятый год поступает... Пришел в пиджаке, с галстуком, все повторяет: «Я бы уже закончил, я бы уже закончил...» Наверно, ему мама так дома говорит,

ругает его. Или, наоборот, жалеет. А вот та девочка рассказывает, что ее везде приняли. Зачем же она тут восьмой час подряд стоит — не евши не пивши, и все смеется, смеется, и жмется вместе со всеми поближе ко входу в заветные двери? А вот та некрасивая толстая девушка с косой... Неужели ее возьмут, такую толстую? И кого она будет играть? Сразу бабушек? А кого тогда будут играть настоящие бабушки, прослужившие в театре шестьдесят лет? А вот тот юноша, снимавшийся в кино, — неужели и ему надо поступать на общих основаниях? Все его узнали, все обступили, с завистью повздыхали, кто-то даже автограф взял и отошел...

Я очень робела в этой веселой и взволнованной толпе. Мне казалось — все они вместе, одна я — не пришей кобыле хвост. Тем более такая взрослая... Двадцать два года уже, скоро будет двадцать три... Надевала я на прослушивание мамино красивое платье — сиреневое, которое при определенном освещении становилось зеленовато-голубым, приятное, бархатное. Но крайне неловко себя в нем чувствовала — взрослой старой тетенькой. Мне ведь уже не шестнадцать!!!

Меня никуда не взяли — ни в ГИТИС, ни в Щукинское, ни в школу-студию МХАТ. Я не пошла только в Щепкинское — почему-то мне казалось, что это не мое. Институт при Малом театре, значит — пафосная речь, пьесы Островского, артисты в париках и древних платьях, громоздкие декорации... Я привыкла доверять своим непонятным ощущениям и не пошла. Во ВГИК тоже не пошла, потому что не была уверена в том, что в профиль буду красива на экране. Театр — другое. Со сцены все кажется красивыми.

Во всех институтах я прочитала свою программу и не раз — можно было записываться по два-три раза, слушали разные преподаватели, но... Не взяли и не взяли, я решила ждать следующей весны. Но время шло, и надо было действительно устраиваться на работу. Шутки шутками, а мама, в отличие от меня, человек последовательный. Сказала — кормить больше не будет, значит, не будет. Да и правда нехорошо — мама работает с утра до вечера, а я уже третий месяц сижу дома, играю на пианино, отрывки учу, стихи декламирую.

Я сидела на лоджии, внимательно изучала названия и репертуар новых театров, и мне всё как-то не нравилось. Ну кого я буду играть в «Ричарде III»? Королеву Англии? А кого в «Трех поросятах»? Самого глупого поросенка, который построил дом из веточек и радовался? А в пьесе абсурда «Носорог»? Носорога? С моим-то фамильным носом, который так прекрасно выглядит в фас...

Мне стало грустно, я свернула газету и тут увидела в самом конце афиши московских театров-студий мелкими-мелкими буквами набранный репертуар: «Река с быстрым течением», «Визит Вийона», «По темным аллеям памяти». Мне понравились названия спектаклей, все так красиво, романтично, неглупо, в таких пьесах точно найдутся для меня подходящие роли. Выбор был сделан.

Назывался театр непонятно: Московский драматический театр «Экзерсис», иными словами, театр «Упражнение». Но меня это уже не смущало. «Экзерсис» так «Экзерсис». Наверняка там люди упражняются в прекрасном. Уж очень интересный у них репертуар — мой! Я человек начитанный, думающий, совсем с ума не сошла, зря мама так считает. В театре

же — в хорошем — говорят о высоком, о вечном... Как раз о том, о чем я постоянно думаю. Почему мы такие, зачем живем, что такое любовь, что делать, когда она уходит или никак не приходит. Время идет, а ее все нет и нет. Вот как у меня.

Я вышла из метро на другом конце Москвы и остановилась перед огромным, современным зданием ДК.

Был теплый безветренный июньский вечер. Сверкающий дворец культуры с гордой вывеской на втором этаже (я очень обрадовалась, что театр не в подвале) — «Московский театр “Экзерсис”» — показался мне символом моей новой жизни.

Я достала зеркальце, убедилась, что выгляжу нормально, толкнула высокую стеклянную дверь. И оказалась в небольшом, совершенно пустом фойе. Из-за двери, ведущей в зрительный зал, раздавались голоса.

Когда открылась дверь и из зала стали выходить актеры, я сразу обратила внимание только на одного, не слишком высокого, темноволосого человека, мельком взглянувшего на меня. Не знаю, почему обратила. На кого-то он был похож, что ли. На Аль Пачино, или на Челентано, или на обоих вместе...

— Вы к кому, девушка? — спросила меня хрипловатым голосом изящная женщина с седой стрижкой каре.

Я ответила не сразу, чувствуя на себе заинтересованные взгляды остальных актеров.

С каждой секундой мне там нравилось все больше и больше. Кроме седовласой дамы я увидела только одну актрису, некрасивую, невысокую, с унылым крупным носом и редкими светлыми волосами. Остальные были мужчины. Среди актеров не оказалось ни лохматых, ни волосатых, ни грязных, которыми меня всегда пугала мама, отговаривая идти «в эту

богему». Обычно одетые, нормальные, чистые на вид, веселые люди.

Молодая актриса с унылым носом покопалась в большой мягкой сумке, достала... настоящую папиросу и закурила прямо в фойе, громко смеясь и при этом неожиданно грустно поглядывая на меня огромными, чуть навывкате светлыми глазами.

— Тася, выйди, пожалуйста, на лестницу, — сказала ей седовласая. — И зачем ты такие крепкие и вонючие сигареты куришь!

Из зала появился еще один человек, и по сразу подтянувшимся актерам я поняла, что это и есть режиссер. Он быстро взглянул на меня и хотел пройти дальше, в кабинет, но седовласая женщина остановила его:

— Марат, к тебе девушка.

Тот замер на полпути, как-то странно повернул одну только голову, стоя ко мне спиной, в этой же неудобной позе еще раз скользнул по мне взглядом и кивнул:

— Хорошо. Пройдемте в кабинет.

В кабинете сидел симпатичный темноволосый человек, похожий на итальянца, тот самый, на которого я обратила внимание, и, склонившись над столом, считал в столбик.

— Присаживайтесь. — Марат пододвинул мне стул и сам расположился напротив.

«Итальянец» от бумажек не отрывался, лишь пару раз весело взглянул на меня, на мои ноги... Я положила руки на колени, потом одернула и без того не слишком короткую юбку. Честно просидев пять лет на лекциях и в библиотеке, я ничего не знала о неотразимой силе длинной стройной женской ноги, так же как мало знала и о себе, и о жизни вообще. Я не кутила, не гуляла, как положено в студенческие годы, студенче-

ская вольница прошла мимо меня. Учиться мне было скучно, но я училась и училась. Как реагировать сейчас на такие откровенные взгляды, я не знала.

— Что вы закончили? — спросил меня Марат.

— Я... Может, я вам что-нибудь почитаю или спою? — ответила я. Жаль, что он начал с вопроса об образовании. Ну да, нет у меня театрального образования... Я не знала тогда главного секрета этого театра, узнала гораздо позже.

«Итальянец» бросил считать, подперся кулаками и лукаво проговорил:

— Лучше станцуйте.

— Здесь? — растерялась я. Кабинет маленький. Я бы могла, конечно, что-то станцевать, если бы включили музыку, симпровизировать, — что делать, раз решила идти в актрисы, надо себя преодолевать... Но я бы врезалась в них или в стол — места совсем не было!

Режиссер почему-то вздохнул и молча покачал головой. Я отнесла это не к себе — к замечанию «итальянца». Мне и без него было как-то не по себе! Я же первый раз пришла устраиваться на работу в театр, ничего не зная, ничего не умея...

— Очки наденьте, — неожиданно сказал «итальянец». — Уверенней будете себя чувствовать.

Я совсем оторопела. Очки действительно лежали у меня в сумке, но я их надевала только в случае крайней необходимости — чтобы не проехать станцию, например, или вечером, в темноте, или же дома, когда меня никто не видел. Неужели так заметно, что я близорука?

— Так, все, Никита Арсентьевич, пойдите-ка прогуляйтесь пока, — незло сказал Марат.

«Итальянец» легко кивнул, взял какие-то листочки, не торопясь вышел из кабинета. В дверях он чуть

задержался, быстро засунул в рот палец и неожиданно раздалось «чпок!», как будто хлопнула пробка от шампанского. «Итальянец» насмешливо обернулся на меня, словно это я валяю дурака, и невозмутимо прикрыл за собой дверь.

«Ну вот, начинается, — подумала я. — Может, мама была права? Издевки, кривлянье... балаган... Пришла!»

— А почему вы наш театр выбрали? — спросил Марат, внимательно меня разглядывая. Манера у него была довольно необычная, к ней надо было привыкнуть: он смотрел исподлобья, низко склонив голову, темными азиатскими глазами прочно зацепляясь за тебя и не отпуская, глазами, в которых гаснет свет и не видно зрачка. — И что вы все-таки закончили?

— Закончила я московский университет, а пришла, потому что мне понравился ваш репертуар.

— Вы смотрели что-нибудь у нас?

— Нет. Но я прочитала названия спектаклей в газете...

Марат без улыбки кивнул:

— А какое название вам понравилось больше всего?

— «Река... Река с быстрым течением», — ответила я, ожидая вежливого отказа, с объяснением в духе моей мамы, что каждый должен заниматься своим делом.

А как быть, если дело, которое записано у меня в дипломе, я выбрала в шестнадцать лет и сдуру? Точнее, даже не выбрала, а... Как-то так получилось. Ходила в десятом классе кругами вокруг театральных институтов, даже записалась на прослушивание в школу-студию МХАТ... Когда никого не было дома, разучивала отрывки для показа, читала перед зерка-